

МАРЬЯ КОВАЛЕНКО

ЖЕНА
МЭРА

18+

Жена для Мэра
СДЕЛКА С БЫВШИМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Марья Коваленко

Жена для мэра. Сделка с бывшим

«Автор»

2026

Коваленко М.

Жена для мэра. Сделка с бывшим / М. Коваленко — «Автор»,
2026

– Она идеальная кандидатка на роль невесты мэра!– Нет! Исключено!
Полина – моя бывшая жена. – От одного ее упоминания сводит скулы и
ноет за ребрами.– Вы хотя бы понимаете, что усложняете нам задачу? –
вздыхает пиарщик. – Кандидат с четырехлетним ребенком, двумя разводами
и без женщины... Простой народ такое не любит.– Поля даже видеть меня
не захочет.– Ну, тогда купите ее! Уговорите! Или пригрозите чем-нибудь
серьезным, – отмахивается он, будто эту женщину действительно можно
заставить или купить.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	37
Глава 14	40
Глава 15	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марья Коваленко

Жена для мэра. Сделка с бывшим

*«Хорошие девочки отправляются на небеса,
а плохие – куда захотят».*

Уте Эрхардт

Глава 1

Захар

– Она не подходит, – даже не смотрю на папку, которую положил мой пиарщик.

– Два высших образования и два иностранных языка. Мисс Университет и Третья Вице-Мисс столицы. Дочь дипломата и телеведущая, – продолжает гнуть свою линию Паша.

– Я уже ответил.

Листаю план совещания в министерстве.

– А блондинка? – пиарщик подсовывает еще одно досье. – Дочь академика. Врач-педиатр. Кристальная биография и толпа благодарных мамочек в качестве бонуса.

– Нет.

Вчитываюсь в список приглашенных. Сплошь старая гвардия и прикормытники, которым пофиг на развитие региона. В целом ничего нового – бюджет на строительство, скорее всего, уже распилен, так что можно не ехать.

– Ну а брюнетка? – На стол опускается третья папка. – Основательница фонда защиты животных. У нее вообще целая армия поклонников. Стоит щелкнуть пальцами, и они все станут нашими.

– Паша, нет.

– Захар Олегович, почему нет? Мы уже с ног сбились! – Пиарщик падает в ближайшее кресло напротив моего стола. – Через две недели старт предвыборной кампании, а у нас до сих пор нет подходящей «спутницы».

– Я свое в ЗАГС отходил. Два раза! Прекрасно обойдусь без этих породистых эскортниц.

– Ваша нынешняя люб... – Паша осекается. – Подруга! Она не самая удачная кандидатура. У Ирины за спиной три брака. Уверен, конкуренты смогут накопать на нее горы компромата.

От болтовни пиарщика начинает болеть голова. Если бы не просьба с самого верха, я бы уже давно послал его подальше вместе со всеми этими бабами.

К сожалению, верхам пока виднее, и за поддержку моей кандидатуры приходится платить лояльностью.

– Поймите, спутница мэра должна быть идеальной. – Паша суетливо хватается со стола пресс-папье. Нервно вертит его в руках. А затем, даже не глядя, меняет на фоторамку, которая испокон веков лежит на столешнице изображением вниз.

– Я не собираюсь представлять Ирину в качестве своей пары, – от раздражения во рту горечь.

Ира – худший вариант на роль официальной пассии мэра. Она такая же золотоискательница, как моя вторая жена.

Единственное место, где нам комфортно – это кровать. А во всем остальном... Ни ее, ни этих эскортниц я и близко не подпущу к своему дому и уж тем более не стану знакомить с сыном.

– Вы собираетесь идти на выборы без пары? – Паша поворачивает к себе рамку и задумчиво смотрит на фото.

– Бинго! – забираю из его рук свой пылесборник и кладу на стол. Лицом вниз. Как, мать его, памятник.

– Вы хотя бы понимаете, что усложняете нам задачу? – вздыхает пиарщик. – Кандидат с четырехлетним ребенком, двумя разводами и без женщины... Простой народ такое не любит.

– Полюбит! – Так и хочется добавить: «Мне бы твои проблемы», но внезапно раздается звонок на личный телефон.

Учитывая, что его номер знают единицы, я проклиная все на свете, но беру трубку.

– Слушаю, – откидываюсь на спинку кресла.

– Приветствую, – доносится из динамика голос давнего знакомого. Мудака, который ни за что не стал бы звонить просто так, без веской причины. – Прости, что отрываю от дел. У твоей бывшей жены серьезные неприятности.

Молчу.

В памяти вспыхивает лицо моей первой жены. Девятнадцатилетней девчонки – красивой, свежей, чистой – которая вывернула меня мясом наружу во время развода. Расхреначила все светлое, что было у нас обоих. А потом пустила под откос и жизнь, и карьеру.

– Ты теперь босс Полины. Тебе и разбираться с ее трудностями.

Знаю, что жестоко, но десять лет назад я уже поддался слабости – вытянул Полю из беды и сделал своей женой... первой женой!

Итог – мои благие намерения привели туда, куда и должны были, согласно одной известной поговорке.

– Эти проблемы серьезнее, чем ваши обиды. – Не успеваю я отключиться, как в трубке снова раздается голос мудака. – Ее похитили и могут убить.

– Что за херня, Боровский?!

Пальцы сжимают телефон так сильно, что, кажется, он вот-вот треснет.

– У нас был сложный проект. Кое-кто решил надавить. Поля должна была уехать, но не успела.

– Когда ее взяли? – Мой взгляд падает на рамку.

Она перевернута, но я до миллиметра знаю фотографию на ней. Та же девушка, что сейчас взрывает мои воспоминания. Алые губы без следа помады, огромные карие глаза, темные волосы и белое свадебное платье, превращающее девчонку в ангела.

– Несколько часов назад. Я сброшу тебе ее последний адрес.

– Черт...

Нужно послать его, как послал Пашу. В конце концов, десять лет – приличный срок. Полина за это время повзрослела, выучилась, стала правой рукой известного финансового аналитика Германа Боровского. А я умудрился заделать ребенка одной ушлой стерве, жениться и развестись.

Целая пропасть лет, чтобы перестать нести ответственность за чужую судьбу. Но вместо правильного «иди ты на хер» я встаю из-за стола и иду в кабинет главного безопасника.

Глава 2

Полина

Днем ранее

– Все, я проверила. Деньги поступили на счет. Наша работа закончена, – отложив телефон, довольно потягиваюсь на уютном офисном диванчике.

– Ты уже заказала билеты? – не отвлекаясь от ноутбука, уточняет мой юный коллега, гениальный программист и хакер Ювелир. – Босс просил свалить на время. Клиент оказался неадекватом. Полиция уже им занимается, но мало ли.

О нашем так называемом «клиенте» я даже вспоминать не хочу. Жулик, каких нынче много. Единственное отличие от остальных – перешел дорогу боссу. А тот сильно не любит, когда кто-то мешает ему жить.

– Да, я освободила квартиру и нашла себе милый отель на островах, – успокаиваю Ювелира.

– По-прежнему не любишь горы?

– Ни горы, ни лыжи, ни тех, кто задает слишком много вопросов.

Поднимаюсь и иду к зеркалу.

– Поля, у нас отпуск – три месяца. Ты со скуки помрешь на пляже!

– А вдруг втянусь?

Смотрю на свое отражение. Строгий деловой костюм, подчеркивающий узкую талию, длинные темные волосы, туфли на шпильке и идеальный макияж – самая лучшая в мире маскировка. Моя броня!

Герману важно, чтобы его помощница выглядела идеально, и я соответствую. А то, что за фасадом – детдом, громкий развод, годы работы без выходных и проходных, учеба в двух вузах и стажировка в Лондоне у самого Боровского... какое кому дело, как я пробивалась наверх и чем жертвовала?

Есть люди, которым везет в любви или с богатыми родителями. А есть те, у кого в наличии лишь терпение и жуткий страх нищеты.

Я бы очень хотела быть в числе первых, но у судьбы нашлись другие планы.

– Ты не втянешься в такой однообразный отдых, – ухмыляется Ювелир. – Не с твоим темпераментом.

– Что за недоверие к коллеге? – наблюдаю за ним в отражении.

– Окей! Готов поспорить на половину своего гонорара, что при первой же возможности ты найдешь себе работу.

– Отлично. – Щелкаю пальцами. Поймала. – Теперь у меня есть мотивация! Буду лежать на шезлонге и представлять, как твои деньги перетекают на мой счет.

– Ну ты...

– Стратег? – подсказываю.

– Стерва ты, Поля! – улыбается Ювелир. – Ну и стратег, – признается нехотя.

– То-то же! – поправляю помаду и разворачиваюсь.

Бегло осматриваю помещение. Нужные бумаги уже уничтожены. Шредер только что дожевал последнюю выписку. А ненужные еще со вчерашнего дня у следователей.

Если они там что-то и найдут, то это дополнительный компромат на «клиента». Прокурору полезно, а нам не жалко.

– Кажется, мне больше нечего здесь делать. – Беру сумочку.

– Такси вызвать или ты на своей?

– За свою я сейчас не сяду. Мало ли какой сюрприз могли подкинуть на парковке. Так что вызывай извозчика. – Машу рукой по-барски.

– Слушаюсь, моя госпожа!

Ювелир слегка переигрывает с поклоном. Кланяется так, что чуть не роняет с колен свой драгоценный ноутбук. Но уже через минуту радуется номером машины и именем водителя.

– Спасибо, – иду к двери.

– Счастливого пути, – доносится в спину, и я чуть не подпрыгиваю на месте.

– Я же просила никогда не желать мне счастья, – стучу по дверному косяку три раза.

Понимаю, что со стороны это выглядит заскоком. Ну какие суеверия в наши дни? Только ничего не могу с собой поделывать. Все самое плохое в моей жизни начиналось с пожелания «счастья». Одни только поздравления на свадьбе чего стоили!

Слишком суровая школа, чтобы ее забыть.

– Прости, Поль, затупил! – Ювелир жестом закрывает себе рот.

– Ну все, если что-то произойдет, это на твоей совести. – Осторожно выглядываю в коридор.

К счастью, там сейчас ни души.

– Я молчу, – шепчет этот склерозник.

– Молчи. – Захлопываю за собой дверь и спешу к лифту.

Как последний параноик, держу скрещенными пальцы все время, пока спускаюсь в холл. Без приключений выхожу на улицу. И тут же...

Чувствую, как кто-то подхватывает меня под локти. И в одном метре от входа в бизнес-центр распаивается дверца микроавтобуса.

Глава 3

Полина

Сквозь пленку на окнах машины ничего не видно, но судя по скорости – микроавтобус уже выехал на проспект.

– Куда вы меня везете? – мне жутко, и все же стараюсь не подавать вида.

– Рот закрыла! – рявкает тучный мужик с лысиной.

– Вас Мансуров послал? – называю имя «клиента». – Я заплачу больше! Намного больше!

– Может, ты еще и натурой расчитаться предложишь? – усмехается второй похититель, усатый и тощий.

– Я куплю вам лучшую проститутку столицы. Випку! У меня есть контакты.

Раз эти придурки не клюнули на деньги, можно попытаться перекупить их другими способами. У всех есть слабые места. Моя задача – успеть нащупать.

– Ты прям решала, а не девка! – хмыкает усатый. – Все можешь!

– Если будете хорошими мальчиками и снимите стяжки, – показываю на руки, – то смогу позвонить прямо сейчас. У вас будут и девушки, и деньги, и... – выдерживаю паузу, – новые документы. Мансуров ни за что вас не найдет!

– Хорошо заливаешь! – лысый переглядывается с тощим.

– Птица-говорун, млять! – тот сплевывает на пол.

– Вам должны были сказать, на кого я работаю. Задача моего босса – решать любые вопросы. А я его правая рука.

– Гы! Фраза «набросать от руки» заиграла новыми красками! – ржет в голосину лысый.

– Может, ты почешешь мне что-нибудь? – усатый взглядом показывает на свой пах. – А то от тебя аж зудит. Такая горячая!

Кажется, мне достались непрошибаемые идиоты! Их босса со дня на день арестуют. Их всех упекут за решетку. Но вместо спасения эти «умники» переживают лишь о содержимом штанов.

– Вы ведь понимаете, что ваш босс не станет никого отмазывать? Вы сядете все вместе, – использую свой последний аргумент.

Любой, у кого остались хотя бы зачатки извилин, хватился бы за шанс спастись. Но эти...

– Закрой ей пасть! – приказывает тощий. – Слишком много триндит.

Он протягивает пособнику тряпку. И тот, не задумываясь, пихает ее мне в рот.

Микроавтобус прыгает на каждой кочке. Пленка на окнах превращает салон в гроб на колесах. Чтобы не схватить панику, я дышу, как пожарный, по квадрату. Вдох на четыре счета. Пауза – на четыре. Выдох – на четыре. И снова пауза – на четыре.

Стараюсь не думать о тряпке между зубов. Представляю, как за нами выезжает отряд СОБРа. И терпеливо жду.

К сожалению, ждать приходится больше двух часов. И останавливаемся мы не под мигалки полиции.

– Прибыли! – поясняет лысый и распахивает дверь.

В следующую секунду меня выволакивают наружу и ставят на ноги. Шпильки врезаются в густую траву, и я испуганно оглядываюсь.

Вокруг густой лес. Перед ним покосившийся забор и дом. Он как из фильма про крестьян и дворян – двухэтажный, почерневший от времени и жутко мрачный.

– Тут даже связи нет, – лысый пялится в свой мобильный. – Теперь понятно, почему навигатор водил, как Сусанин.

– И отлично, – бурчит усатый. – Тут нас ни одна живая душа не найдет.
– У ментов нет шансов, – хлопает по плечу лысый.

Последние слова заставляют меня вздрогнуть.

Понимание врзается в затылок. Это не «попугать». Я вляпалась по-крупному. Намного хуже, чем предполагала.

Однако обдумать, что и как, я не успеваю. Со стороны крыльца раздаются тяжелые шаги. И к нам выходит он – в нелепом шелковом халате, с бокалом в одной руке и с сигаретой – в другой.

«Клиент».

Мансуров.

Ленивый взгляд скользит по мне сверху вниз.

– И кто это у нас такой красивый? – скалится он на все тридцать два. – Любимая помощница Боровского?

– Задание выполнено, босс, – отвечает усатый.

– Хвоста не было? – лениво уточняет «клиент».

– Чисто. На всякий случай мы навернули пару кругов. Менты не пасли.

– Отлично! – тянет Мансуров. – Заприте нашу драгоценную гостью в подвале. Пусть немного померзнет. Мы потом вместе сходим к ней и качественно согреем.

Его ухмылка оставляет ледящий след где-то в районе позвоночника. Но я молчу. Сжав зубами проклятую тряпку, иду в дом. Стараясь не зацепиться о перевернутую мебель, следую за своими похитителями по длинному коридору. Глотая запах сырости, спускаюсь по бетонной лестнице в подвал.

Замок наверху лязгает, будто опустившаяся гильотина, и в подвале снова повисает тишина. Чтобы не рухнуть на пол, я сажусь на перевернутое ведро. И начинаю психотерапевтические процедуры.

Держу спину ровно, подбородок – выше.

«Не бояться!» – командую себе.

«Дыши ровно, Полина!» – приказываю голосом босса.

«Ты справишься. Ты всегда справлялась!» – повторяю как мантру.

В других ситуациях это спасало. Но сейчас... самовнушение не работает. Где-то падает бутылка – я дергаюсь. Скрипят доски – замираю. Раздается хохот – сжимаюсь в тугой комок.

Уже и не помню, когда испытывала подобное... хотя... Вру!

Было несколько моментов в моей жизни.

В семь лет! Когда погибла мама, и я осталась совсем одна.

А потом девятнадцать... когда я полюбила потрясающего мужчину, поверила в долгую семейную жизнь рядом с ним, а на собственной свадьбе узнала, что мой потрясающий хранит от меня одну мерзкую тайну.

На мыслях об этой тайне я заставляю себя остановиться.

В прошлое нельзя!

Совсем!

Там черная яма, и если загляну – не выберусь.

Чтобы сохранить холодную голову, думаю о другом. О том, как вытаскивала себя из последней такой ямы.

Как сразу после свадьбы устроилась в кафе, до ночи таскала подносы, а утром мчалась на пары. Как нашла вторую подработку, чтобы платить юристу – без него развод был бы невозможен.

Как жила по схеме: учиться – работать – учиться еще больше – работать еще больше. Шаг за шагом, без истерик.

Только успеваю вытравить из себя панику, наверху распаивается дверь.

Поднимаю голову – в проеме Мансуров. Халат нараспашку. Под ним – округлый живот, вялые мышцы и то, на что совсем не хочется смотреть. А в руке плетка.

– Ну что, красавица, сейчас будем развлекаться, – хмыкает он, спускаясь вниз.

Следом за боссом по ступенькам в подвал сбегает двое – оба в масках, мощные и высокие – гораздо страшнее моих тупоголовых похитителей.

– Кричи! – Мансуров вынимает кляп. – Люблю, когда женщина вопит подо мной.

– Пошел к черту! – Я вздергиваю подбородок. Фиг он увидит мой страх! Не на ту напорлся!

– А ну, парни, придержите эту строптивую кобылку! – с улыбкой командует ублюдок, и в мои плечи впиваются сильные руки бойцов.

– Твой босс спустил на меня всех ментовских собак! Интересно, ему понравится, если я спущу на тебя моих псов? – улыбка Мансурова превращается в оскал.

– Ты покойник! – вырываю из себя с хрипом. – Он тебя даже за решеткой достанет.

– У него нет таких связей, чтобы достать меня. Он проиграл. – Плетка щелкает в воздухе.

Мансуров приближается, нюхает меня. Дергает рубашку в стороны. И пялится... долго, внимательно, будто проверяет товар.

– Держите крепче, – кивает охранникам. – Чтобы не дергалась.

Он замахивается, целясь на грудь. Почти бьет...

Но вдруг сверху раздается голос:

– Босс! Тут Боровский приехал!

– Вот, сукин сын! Не мог немного опоздать, – с досадой шипит ублюдок и швыряет плетку на пол.

– Попрощайся с жизнью, – стреляю взглядом ему в спину.

– Сейчас ты с Боровским вместе попрощаетесь. – Он даже не оглядывается.

Кряхтя, взбирается наверх. Оставляет меня наедине со своими охранниками.

– Мальчики, а вам не нужно за боссом. Вдруг ему там помощь понадобится? – кошусь на мордovorотов.

Мне безумно страшно. Внутри все дрожит. Жуткая тревога, как плесень, оплетает тело. Будит рвотные позывы. Но я из последних сил стараюсь казаться смелой.

– У босса хватает людей, – правый боец скользит мозолистой рукой по моему плечу вниз. Сжимает грудь и довольно хмыкает.

– Наша задача – ты. – Левый тянет меня за волосы назад и заставляет посмотреть в глаза.

– Красивая стерва, да? – спрашивает правый.

– Породистая! Чур, я первый после босса с ней поиграю.

– После босса это будет тело, – смеется правый. – Ей потом будет пофиг, кто с ней играет и сколько нас.

– Тогда можем вместе.

Будто это смешно, левый заходится от хохота. Отпускает, наконец, мои несчастные волосы. А в следующий миг...

Воздух взрывается топотом, криками, глухими ударами и громкой командой:

– Всем лежать! Работает СОБР!

Охранники отпускают меня одновременно. Словно уже зная, что сейчас будет, они отступают к дальней стене и укладываются на пол.

Как только правый кладет руки на голову, что-то тяжелое вышибает дверь. В проеме мелькают силуэты Германа и Мансурова.

А через мгновение сильные руки подхватывают меня, легко, как тряпичную куклу, и несут вверх по бетонной лестнице.

– Спасибо... – выдыхаю я, и тут же слезы заливают лицо. – Спасибо...

Поднимаю голову – и шок накрывает, как удар.

Это не Герман, не военный и не бандит... Это тот, кто хуже всех шестерок Мансурова вместе взятых. Тот, кто не должен быть здесь... ни при каких обстоятельствах.

Глава 4

Полина

– Ты? – смотрю в лицо бывшему мужу. Серые глаза почти черные. На скулах играют желваки. А взгляд... им можно резать металл.

– Спокойно, Полина. Все закончилось.

Захар несет меня по коридору мимо бойцов СОБРа, мимо Германа, мимо уложенных в штабеля мордovorотов Мансурова.

Не здороваясь ни с кем, выносит на улицу. И ставит на ноги возле новенького черного внедорожника.

– Что... Что ты здесь делаешь? – спрашиваю со всхлипом.

Слезы все еще текут. Стрессу пофиг, с кем я и где. Нервная система сбоит, как перегруженный компьютер, не различая сигналов «чужие – свои».

– Делаю то, что надеялся никогда больше не делать. Спасая твою задницу! – Захар даже не пытается скрыть гнев.

– Я... мы бы справились без тебя.

Моя мудрая часть понимает – это ложь, нужно притормозить и выдушить из себя проклятое «спасибо». Но другая часть – дурная и дикая – отказывается жать на тормоза.

Ярость, которую я так и не выплеснула на Мансурова, бурным потоком рвется наружу. Требует крови, мести и жертвы! Если не на проклятого ублюдка, то хотя бы на бывшего мужа.

– У тебя шок, Полина.

Захар по-хозяйски поправляет бюстгальтер и застегивает на мне рубашку. Одевает с такой злостью и скоростью, будто видеть меня не может. Словно ему противно даже прикасаться.

– Все! – запоздало отряхиваю с себя его руки. – Теперь я свобода. Разберусь со всем сама.

– Теперь ты сядешь в машину и будешь вести себя как вменяемая женщина! – цедит он сквозь зубы, распахивая передо мной пассажирскую дверь.

– Еще чего!

Предохранители летят к чертям. Слова «вменяемая женщина» плеткой бьют по оголенным нервам. Именно это он сказал мне десять лет назад, когда я потребовала развода. С таким же выражением лица, с той же интонацией.

За долгий срок я должна была забыть эти подробности. Но нет! Запечаталось в памяти. Вросло в подкорку. Намертво!

– Сядь на сиденье! – Захар наступает на меня. Давит своей тяжелой аурой и мощным телом. Буквально вминает меня в салон.

– А не то что? – Задираю голову.

Это наша первая встреча за десять лет. Все эти годы я запрещала себе читать о нем новости и смотреть фото. Вместо этого пахала, как проклятая. Делала все, чтобы выкорчевать из себя глупую влюбленную дуру. Лепила из себя стерву, которой больше никто не сделает больно.

– Хочешь задержаться здесь еще на пару часов?

Он усмехается, но я смотрю только на свежие морщинки вокруг глаз и новую седину на висках.

– Я попрошу кого-нибудь подкинуть меня в город.

Фактически я уже в машине. Попа – на сиденье. Спина – вжата в спинку.

– Просто закрой рот! – лязгает Захар, – пожалуйста, – добавляет он сквозь силу и со стуком захлопывает дверь.

Следующие несколько минут я борюсь с гневом. Не смотрю, куда мы едем. Ни о чем не спрашиваю. Кое-как вытираю заплаканное лицо и отчаянно пытаюсь придумать, что теперь делать.

Как и много лет назад, когда Захар вытянул меня из крупной неприятности, я снова без вещей. Квартира сдана, а самолет на райские острова уже давно в небе. И как в прошлом, за мной в любой момент может начаться новая охота – в этот раз шестерок Мансурова.

От досады я только через час замечаю, что за нами нет хвоста службы охраны, и за всю дорогу Захар ни разу не отвлекается на телефон.

Так и хочется спросить у него, что происходит, но язык прилипает к небу, глаза наливаются свинцом, и пережитый стресс берет надо мной верх.

Возвращаюсь в сознание утром. На небе светит солнце, часы показывают девять, а вместо сиденья внедорожника подо мной тихо поскрипывает мягкий матрас.

– Черт! – шиплю, вставая. – Вот гад! – узнаю комнату.

Это не отель, не съемная квартира и не хостел для бездомных. Это дом Захара! Наш прежний дом! Комната, в которой я жила до того, как стала его невестой.

– Ну, я тебе...

Мой первый порыв – вылететь отсюда и устроить грандиозный разнос одному самодуру. К счастью, отдохнувший за ночь мозг вовремя берет контроль над эмоциями.

Прежде чем выйти, я привожу себя в порядок – умываю лицо и завязываю в пучок волосы. Потом тихо открываю дверь и спускаюсь по лестнице в гостиную.

– И что теперь делать? – слышу незнакомый мужской голос внизу.

– Это я должен спрашивать! Не ты ли отвечаешь за СМИ? Как твои люди пропустили такое?

Это Захар. Голос хриплый, как простуженный.

– У нас не было ни одного шанса. Кто-то слил информацию о похищении вашей жены еще до момента освобождения.

– А это тоже нельзя было остановить?

Слышу шлепок. Будто бумагой по столу. Чтобы понять, осторожно выглядываю из-за угла.

Не показалось. Это действительно бумага. Но не чистая, а распечатки. Какие-то статьи с фотографиями. И на них...

Я присматриваюсь.

Моргаю.

Не верю своим глазам.

На снимках Захар и я... спящая у него на руках.

– А это вопросы к вашей охране, – поднимает руки молодой мужчина в очках и в модном костюме. – Если они не способны засечь на территории фотографа, то что это за охрана?

– С ними я тоже поговорю! – рычит Захар. – Об этом не волнуйся!

– Да, конечно, – парень меняется в лице. С бледного на зеленый.

– Знаешь, куда можешь засунуть свое «конечно»?

Захар встает с дивана. Устало, словно всю ночь работал, расправляет свои широкие плечи и поворачивается к окну.

– У нас теперь не осталось никакого выбора, – ссутулившись, начинает парень. – Вся столица обсуждает эти фото. Для всех вы герой-спаситель бывшей жены.

– Паша, лучше не продолжай!

Качает головой.

– Да я бы с удовольствием, но... – Парень набирает полную грудь воздуха. – Ваш роман с Полиной Геннадьевной – главная новость дня, – произносит он на одном выдохе, и я чуть не падаю с лестницы.

Глава 5

Полина

– Если мы правильно воспользуемся обстоятельствами, ваш рейтинг взлетит до небес. – Помощник Захара начинает суетливо перебирать распечатки.

– Ты не представляешь, о чем говоришь.

Я замечаю, как напрягаются плечи Захара. Сейчас он дико похож на титана, который хочет сбросить с себя земной шар.

– Полина Геннадьевна... Она идеальная кандидатка на роль невесты мэра! Сирота, которая смогла получить два высших образования и пройти стажировку за границей – это настоящий бриллиант для предвыборной кампании. С такой спутницей все голоса будут ваши.

– Нет! Исключено! – Захар говорит с такой злостью, словно рубит словами воздух.

– Вы хотя бы понимаете, как сильно усложняете нам задачу? Если мы опровергнем новость о вашем воссоединении, то можно сразу сниматься с выборов.

Кажется, этот парень считает себя бессмертным. Насколько я помню, мало кто решался спорить с Захаром, а уж победить его в споре... таких не было.

– Следовало придержать журналистов! – Захар разворачивается. – Я плачу бешеные деньги, чтобы вы фильтровали все сплетни!

– Послушайте... я не знаю, из-за чего вы развелись, но сейчас на вашу кандидатуру поставила вся администрация. Уверен, существует какой-нибудь способ убедить Полину Геннадьевну немного нам подыграть.

– Здесь даже амнезия не поможет, – обреченно вздыхает Захар.

«О да!» – произношу я мысленно и с трудом сдерживаюсь, чтобы не зааплодировать.

– Ну, тогда купите ее! Уговорите! – начинает генерировать идеи помощник. – Или угрозируйте чем-нибудь серьезным, – продолжает он и вдруг резко осекается.

– Bravo! – Я выхожу из-за угла. – Какие интересные варианты!

Паша вытягивается по струнке и, будто ничего не говорил, скалится на все тридцать два.

– Полина Геннадьевна, здравствуйте. А мы как раз...

– Примус починяли, – прерываю его. – Я заметила.

– Простите, если мы вас расстроили. Тут такое дело...

– Паша, хватит! Наговорил уже, – отрезает Захар.

– Ну что вы! Продолжайте. Мне очень интересно. – Сажусь на диван. Закидываю ногу на ногу. – С места про шантаж, пожалуйста, подробнее!

Паша неловко откашливается, однако даже не пытается оправдаться. Похоже, помощник Захара такой же, как его босс – индюк, привыкший считать людей пешками, инструментами для реализации своих великих планов.

– Думаю, мы с вами ещё обсудим детали, – выдавливают помощник, собирая со стола разбросанные бумаги. – Если позволите.

– Не позволю, – Захар кивает на дверь. – Свободен!

Как собачонка, которой дали под зад, Паша вжимает голову в плечи и ускользает, так и не посмотрев мне в глаза.

Я дожидаюсь, пока за ним закроется дверь, и поворачиваюсь к Захару.

– Ты ведь понимаешь, что я не буду ни в чем участвовать?! Сам разбирайся со своим цирком!

– Давай без истерик, – морщится Захар.

– И не надейся! Истерики я теперь закатываю только ради дела и за большие деньги, – улыбаюсь своей самой стервозной улыбкой. – Ты больше не мое дело! И вообще, я прямо сейчас уберусь из этого дома. А затем забуду, что мы встречались.

– Для начала ты спрячешь свои иголки, – он говорит тихо, но так, что в груди срабатывает тревожная сигнализация.

– На благодарность надеешься? – я расслабленно откидываюсь на спинку дивана.

– А это возможно? – горько усмехается.

– За «спасибо» обращайся к Герману. Уверена, это он сообщил тебе о похищении. Вот пусть теперь и расплачивается.

– Я уже и забыл, какой «благодарной» ты бываешь, – дергает шеей Захар.

– В этом мы похожи. Ты тоже кое-что забыл сообщить мне перед свадьбой. Мелочь!

Спокойно поднимаюсь с дивана и направляюсь к двери.

– Полина, хватит.

– Вот именно. Хватит. Я поехала!

– Мы недоговорили. – Он перехватывает меня на полпути.

На миг мы стоим почти вплотную. Я чувствую его жар. Вижу, как Захар сжимает челюсти, будто борется со своими демонами.

Секунда – и в глазах мелькает что-то странное. Не злость. Не холод. Ломка.

– Я не собираюсь тебя шантажировать или угрожать. Паша сам разберется со своим косяком. Но кое-кому другому, возможно, будет приятно тебя увидеть.

– Не вижу здесь никого.

Этот дом и раньше был пустым, а сейчас выглядит совсем позаброшенным. Повсюду какие-то коробки, а на полках вместо книг – стопки цветастых журналов.

– Пошли.

Захар отворачивается первым. Он словно боится, что я успею что-то прочесть по лицу, и идёт в сторону гостевой спальни.

– Ненавижу твою таинственность, – рычу под нос.

– Она будет рада тебя видеть, – голос у него тихий, уставший. – Но если скажешь хоть одну гадость... я тебя придушу. Собственными руками, – предупреждает шепотом и распаивает дверь.

Первое, что меня встречает, – запах лекарств. Так пахнет в больницах и в некоторых аптеках.

Второе... я вижу медицинскую кровать с красивым клетчатым пледом и плюшевым зайцем. А на ней... Варвара. Старенькая экономка, которая была мне как мать.

– Здравствуй, дорогой, – скрипучим голосом произносит она. – Ты опять нашёл сиделку?

Варвара тянется к прикроватной тумбочке за очками. А я врастаю ногами в пол.

Не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Перед глазами все кружится.

– Она тебе понравится. – Захар подходит к кровати и заботливо поправляет плед.

– Я же просила, не нужно. У тебя и так из-за меня одни трудности.

– Это не сиделка, – отвечает Захар.

– А кто же? – Варвара, наконец, надевает очки.

– Привет, – шепчу, не слыша собственного голоса. – Это я.

Глава 6

Полина

Следующие несколько минут превращаются для меня в пытку. Я изо всех сил стараюсь не плясать на всякие датчики и не плакать. Держу за зубами свои вопросы. И осторожно обнимаю похудевшую, осунувшуюся Варвару.

Срываюсь только в коридоре. Вначале плотно закрываю за собой дверь. Затем отхожу подальше. А после... это похоже на детонацию.

– Сукин сын! Ты знал, чем надавить! – тычу пальцем в каменную грудь Сабурова. – Настоящий политик, чтоб тебя!

Меня трясет. Из глаз льются слезы. А желание убивать такое сильное, что я готова выщарапать его нахальные серые глаза.

– Считаешь, она заболела по моему приказу?

Захар перехватывает меня за руки и притягивает ближе.

– Ты мог заранее сообщить! Позвонить или написать. Но нет! Выждал подходящий момент! Дотянул до того, как она совсем слегла. – Дергаюсь, пытаюсь освободиться. Однако проще отрубить себе руки.

– Не помню, чтобы ты интересовалась кем-то из нас эти годы.

Гад толкает меня в сторону стены. Не позволяя вырваться, прессует своим огромным телом. Жмет так сильно, что я чувствую каждую его литу мышцу, каждую впадину и упругость. Даже ту, которая должна быть спокойной.

– Ты смеешься? Не ты ли запретил мне напоминать о себе? Это одно из условий нашего развода!

– И ты так честно соблюдала его десять лет. Похвально. Наверное, было очень удобно забыть обо всех!

– Эти годы я пахала как проклятая! Сиротам, знаешь ли, непросто получить приличное образование, добиться стажировки за границей, а еще вернуть кредит за услуги адвоката!

Извилины закипают от злости. Все накопившиеся обиды поднимаются изнутри девятым валом. Но тело...

Кажется, ему пофиг на все, что я чувствую. Внизу живота закручивается горячая тугая спираль. Во рту пересыхает. А сердце колотится так быстро, словно хочет выпрыгнуть наружу.

Это какой-то гребанный безусловный рефлекс на одного-единственного мужчину. Троянский конь в моей искалеченной прошивке.

– Хочешь, чтобы я тебя пожалел? – Пальцы Захара ложатся на мою шею...

Но не сжимают.

Не давят.

Хуже!

Он медленно поглаживает подушечкой большого пальца вдоль вены. Именно там, где раньше целовал во время наших сумасшедших оргазмов.

– Все. Хватит... – торможу себя. – Что с ней? – хриплю, не узнавая собственный голос.

Будто понял, что тоже заигрался, Захар резко отступает.

– Онкология. – Опускает голову. – Рак поджелудочной. С метастазами.

– Лечение? – Пошатываюсь.

– Пробовали. Она прошла несколько курсов химиотерапии. К сожалению, стало только хуже.

– Господи... Варвара... – скольжу по стене на пол.

– Мы слишком поздно заметили. Она хотела похудеть. Села на какую-то диету, и вес начал падать. Первые месяцы все было отлично. Варвара так радовалась, а потом начались боли.

Словно диагноз поставили не Варваре, а мне – нутро вспыхивает огнем.

– А почему здесь?.. – Я кое-как оглядываюсь на дверь гостевой комнаты. – У нее ведь есть дочь. Вроде бы Рита.

– Поначалу она была у дочки. Я помог ее семье выбить льготный кредит на покупку большой квартиры. Рита ушла с работы, чтобы ухаживать за матерью. Но после окончания третьего курса химиотерапии Рита забеременела, и многое поменялось.

– Это была ее первая беременность?

Я помню, как Варвара хотела внуков, а у дочки не получалось. Они вроде бы собирались сделать ЭКО и нашли клинику.

– Первая. А на нервах еще и проблемная.

– Ее положили на сохранение?

Кажется, я начинаю понимать, как Варвара могла оказаться в этом доме.

– Муж не мог заботиться о двоих. Я предложил им сиделку. Даже готов был оплачивать. Но семья отказалась. – Захар морщится, как от зубной боли. – Некоторым идиотам проще удавиться, чем быть благодарными.

– И ты забрал ее. – Прерываю лекцию о благодарности.

– Однажды я заехал проведать. Рита была в больнице, ее благоверный – на работе. А Варвара лежала на полу. Она пыталась дойти до туалета и упала.

– Боже...

– Не буду описывать, в каком состоянии я ее нашел. – Захар отводит взгляд. – Тем же днем я приказал оборудовать в доме гостевую комнату и перевез Варвару сюда.

– Понятно... – облизываю саднящие губы.

Умом понимаю, что должна задать еще один вопрос – самый главный. Однако язык отказывается подчиняться. Мне жутко об этом думать и страшно озвучивать вслух.

– Если хочешь спросить, сколько ей осталось, то – два... максимум три месяца.

Захар всегда умел читать мои мысли.

– А твоя предвыборная кампания?.. – Сама не верю, что спрашиваю об этом.

– До выборов три месяца, – холодно чеканит он.

Чтобы решиться произнести следующую фразу, мне приходится собрать в кулак все свои силы.

Еще день назад я планировала провести ближайшие месяцы на райских островах – пить коктейли, любоваться красивыми загорелыми мужчинами, баловать себя массажем и умирать со скуки.

Для мотивации я даже развела Ювелира на дурацкий спор и почти заработала половину его гонорара.

В моих планах не было никаких бывших, игры на публику и прочих предвыборных развлечений.

Мне нужно было всего лишь улететь... еще вчера.

– Не думай, что я тебя простила или согласилась изображать добрую бывшую. – Возвращаюсь на диван. Опускаю зад на сиденье и, закрыв глаза, как перед прыжком в пропасть, произношу: – Я останусь здесь на три месяца, но у меня есть свои условия.

Глава 7

Полина

– Предсказуемо, – хмыкает Захар. – Условия – наше всё.

Он цокает языком и смотрит на меня с таким спокойствием, будто заранее знает все, что потребую.

– Ты же не думал, что я соглашусь просто так, – развожу руками.

– Пойдем. – Указывает на дверь кабинета и, не дожидаясь ответа, первым выходит из гостиной.

Я мгновение медлю. Что-то колючее за ребрами просит остановиться. Намекает на новые проблемы и запрещает верить Захару – на слово или даже под подпись.

Внутренний голос умоляет: «Поля, беги!» Но я быстро справляюсь с этой трусостью.

Каблуки звонко цокают по паркету. Утренний свет из панорамных окон мягко бьет по глазам. А вялый осенний дождь заставляет вздрогнуть.

Все точь-в-точь как в один дождливый день десять лет назад.

К тому времени мы с Захаром уже устали от бракоразводного процесса. За три месяца я успела влезть в сумасшедшие долги, чтобы оплатить услуги адвоката. Захар отказался от участия в своей первой предвыборной кампании.

О нас написал каждый журналист этого города. Нас просклоняли, пережевали и выплюнули.

Стараниями мужа и миллиона равнодушных моя красивая сказка о Золушке превратилась в жуткую версию Красавицы и чудовища.

А Захар...

Он с такой одержимостью боролся за наш брак, так выкладывался, что в какой-то момент устал и сдался.

Вместо нового раунда битвы он пригласил нас с адвокатом сюда – в этот самый кабинет. Положил передо мной оформленное юристом согласие на развод и договор с особыми условиями. Часть из них защищала его, часть – меня. А третий раздел...

– Вот бумага! – вырывая меня из воспоминаний, Захар кладет на стол чистый лист и находит ручку. – Пиши все, что тебе нужно. Лаевский в течение дня оформит соглашение, как положено.

Я беру ручку. С минуту кручу ее в пальцах – заставляю Захара хоть немного понервничать. А затем начинаю.

– Первое. – Обвожу это слово в прямоугольник. – Личные границы. Ты не прикасаешься ко мне без согласия. Никаких «случайных» касаний, помощи и прочих игр.

– Принято. – Сабуров усмехается левым уголком губ. Взгляд остается холодным.

– Второе. – Снова обвожу. – Отдельная спальня. Отдельный санузел. Моя территория неприкосновенна, как и я сама.

В ответ кивок. Лёгкий, но достаточно уверенный, чтобы я поняла – он уже мысленно переставляет мебель и выселяет меня в дальнее крыло дома.

– Третье. – Подчеркиваю два раза. – Ни в интервью, ни в разговорах ты не называешь меня: «моя женщина», «невеста» или «будущая жена». Никаких «милых», «родных» и прочей чуши. Никаких сказок о вспыхнувших чувствах. Запрещены даже намёки.

– Паша будет «счастлив», – равнодушно произносит Захар.

– Могу лично объяснить ему значение этого условия, – растягиваю губы в улыбке. – Я с удовольствием подберу правильные аргументы.

– Он мне пока нужен живым и здоровым. – Скрещивает руки на груди. – Поговорю сам.

– Отлично! Тогда четвертое. – Этот пункт я не подчеркиваю. Пусть пока он выглядит женской придурью и не выделяется среди остальных. – Я сама создаю свой образ. Только я выбираю, где, как и в чём появляюсь. Твои рекламщики, стилисты и прочие специалисты по имиджу идут к чертям.

– Надеюсь, в твоих планах нет эротической фотосессии для мужского журнала?

Захар кладет ладони на столешницу и обдает меня таким голодным взглядом, что мурашки бегут по коже.

– Прекрасная идея! – произношу с придыханием. – Назови меня своей, и тут же получишь полный комплект снимков во всех изданиях. Твои избиратели увидят спутницу будущего мэра во всей красе. – Демонстративно облизываю губы. – Я раскрою все свои тайны. В самом буквальном смысле!

– Сте-е-ерва, – прокатывает на языке Захар.

– Все для тебя. – Снова беру ручку и продолжаю: – Пятое. Срок нашего сотрудничества – ровно три месяца. День в день. После окончания кампании ты не имеешь права использовать моё имя, фото, цитаты или какие-либо упоминания обо мне в качестве своей женщины. Ни в прессе, ни в соцсетях, нигде. Даже намёком.

– Гарантирую. Что еще? – без всякого энтузиазма уточняет Сабуров.

– Последнее. Шестое. Если ты или пиарщики нарушат хоть один пункт, компенсация будет такой большой, что у твоего юриста случится инфаркт.

Я рисую единицу, а затем начинаю выводить нули. Много! Очень много!

– Закончила? – с насмешкой уточняет Захар.

– Вполне.

Раз ему мало, вывожу еще один овал. И ставлю жирную точку.

– Отлично, Полина.

Сабуров садится напротив, берет лист и разворачивает к себе. Серые глаза скользят по каждой строке, временами сужаются, словно Захар пытается рассмотреть, что прячется между буквами.

– Добавим ещё один пункт, – берет ручку.

– С чего бы это?

Я пытаюсь схватить бумагу. Однако он оказывается быстрее.

– Полагаю, я тоже имею право хотя бы на одно условие.

– Не уверена, что захочу его принять.

– Примешь. Ты обязана... – делает паузу, – соблюдать все правила и распорядок этого дома в отношении всех людей, проживающих здесь. Исключить любые конфликты, споры и провокации.

– Ты сейчас не о Варваре, – качаю головой. – Кто ещё здесь живёт?

Всё же надо было выцарапать его глаза ещё в начале разговора.

– Не твоё дело, – отрезает он, глядя прямо, но чуть дольше обычного.

– Пф-ф! – фыркаю. – Ты же не собираешься поселить меня под одной крышей с любовницей?

– Прекрасная идея! – платит мне моей же монетой.

– Извращенец!

Я знаю, что он так не поступит. Этот мерзавец слишком правильный для таких грязных игр. Даже в нашем прошлом он не позволял себе других женщин или хотя бы намеки на них до самого развода.

Не удивлюсь, если у него не было никого и после... месяц или два.

– Скажем так, есть один человек, который здесь живет. И он для меня важен.

– Важен...

Впервые я жалею, что совсем не следила за его жизнью. Лучше было изучать каждый факт, запоминать каждую мелочь. Держать своего врага ближе, чем любого из временных союзников.

– Он не доставит тебе хлопот. – Сабуров встает из-за стола и отворачивается к окну.

– Смешно. Ты ставишь мне условие. И при этом скрываешь имя.

– Можешь не подписывать. – Звучит как вызов: «Рискнёшь ли ты ради этой загадки всем, что выторговала?»

Я не отвечаю.

Смотрю на обтянутую белой рубашкой широкую спину бывшего мужа, на бумажный листок с семью пунктами, на дубовую столешницу, которую в прошлом я уже полировала своим задом.

Борюсь с желанием свалить отсюда.

И чувствую, как холодные пальцы уже держат меня за горло. Но это не Захар, а моя собственная глупость.

Глава 8

Полина

О том, насколько сильно я вляпалась, становится ясно по размеру новой комнаты.

Это не спальня, а полноценное жилье размером с прежнюю квартиру.

Теперь у меня есть собственный балкон – с шезлонгом, кованым столиком и цветами в больших деревянных кадках. Также в наличии санузел с душевой кабиной и отдельной ванной, кровать, напоминающая сексодром в президентском номере какого-нибудь отеля, и гардеробная комната.

К счастью, последняя пустая. На полках стерильная чистота. Ни одного платья, никаких костюмов или белья.

Вместо них к двенадцати дня прибывает стилист – ухоженная дамочка моего возраста. В отличие от Захара она со мной не спорит и не пытается ничего навязать.

Минут тридцать мы гуляем по частному парку вокруг дома. Я диктую ей список вещей, которые понадобятся на первое время. Называю размеры, сдаю адреса магазинов, где все это можно купить. И по памяти записываю в блокноте номер счета Германа Боровского, чтобы тот лично оплатит все это счастье.

– А ты на себе не экономишь! – улыбается, приехавший к окончанию «консультации», Ювелир.

– Не я позвонила Захару! Именно Герман заварил эту кашу. Пусть теперь расплачивается!

Попрощавшись со стилистом, указываю другу на красивую беседку в углу парка.

– Держи, красавица, твои пожитки. – Ювелир ставит на скамейку картонную коробку и отряхивает руки. – Здесь все, что сохранилось в офисе.

Я заглядываю внутрь.

– Негусто. – Любуюсь парочкой книг, блокнотом, аптечкой и статуэткой с тремя обезьянками «Не вижу, не слышу, не говорю».

– Чемоданы с одеждой улетели на Сейшелы. – Разводит руками Ювелир. – Я уже выслал от твоего имени письмо с просьбой вернуть добро на родину. Но, думаю, это будет долго.

– Пусть там и остаются, – отмахиваюсь. – Всё равно пришлось бы покупать новое.

– Удачно тебе эта тетка подвернулась! – кивает в сторону стилиста Ювелир. – С твоими финансами на свои одеться было бы трудно.

– Что за намеки? Или ты от скуки обчистил мой счет? – шутливо беру за грудки этого юного гения.

– Мне нынче и ноутбук открывать не нужно. – Скалится. – Кое-кто проиграл мне половину гонорара.

– Черт!

Только сейчас вспоминаю о нашем споре.

– Это была твоя идея! – Мерзавец даже не пытается скрыть радость.

– Откуда мне было знать, что на горизонте замаячит Сабуров?! Это форс-мажор.

– Не-е! У нас не договор, а спор! Так что бабки мои!

Улыбается так нагло, что хочется стукнуть его коробкой по башке.

– Умный ты, – отпускаю его и поправляю куртку. – Надо будет внести в соглашение с Сабуровым пункт о компенсации всех моих затрат.

– Ох, чувствую, обанкротишь ты его. Будет у нас нищий мэр.

– Избиратели таких любят.

Достаю своих обезьянок и ставлю на середину большого деревянного стола.

Моя любимая статуэтка здесь совсем не смотрится. Она, как и я, инородный элемент во всей этой сабуровской роскоши. Только выбора нам никто не оставил.

Будем учиться молчать о прошлом, закрывать глаза на цирк в настоящем и пытаться не слушать некоторых беспринципных типов.

– Ты с бывшим вообще как?.. – Ювелир становится серьезным. – Если он тебя шантажом заставил, ты это... Лишь намекни.

– Нет. Я остаюсь не из-за него.

– Горничная?

– Есть на свете что-нибудь, чего ты не знаешь? – качаю головой.

– Да я так... по дороге пробил. Она работала у него, когда вы были вместе. А сейчас... – не договорив, разводит руками.

– У меня не было выбора. Варвара – единственный человек, который беспокоился обо мне. После смерти мамы я уже и забыла, что это такое. А после встретила здесь ее.

– Это я понимаю. Но одно дело – забота, а другое... – он чуть склоняет голову. – Жизнь под одной крышей с бывшим мужем.

– Так получилось.

Я доверяю Ювелиру, и все же пока не готова рассказать о контракте.

– Ты его простила?

– С чего бы? – Меня передергивает.

– Ну, мало ли. Наш босс весь город на уши поднял, чтобы отбить свою бывшую. Пять лет не интересовался, а потом вдруг проняло. Может, и у вас так закрутилось.

– У нас другая история. – Обхватываю себя руками. – То, что сделал Захар, нельзя простить. Это не измена и не предательство. Все намного хуже.

– Ладно... – Ювелир вздыхает, однако тему больше не трогает. – Тогда главное. Ты осознаешь, во что влезла?

– У Захара предвыборная кампания. Против него трое. Два статиста и один кандидат от оппозиции – Меньшов. Последний – реальная угроза, но у Захара есть поддержка властей.

– Простудировала, – восхищенно цокает Ювелир.

– У меня пока нет ни телефона, ни ноутбука. Пришлось допрашивать местных.

– Молодец. Только кое-что они тебе не сказали. – Ювелир недовольно хмурится. – Меньшов в каком-то роде тоже статист.

– За ним кто-то стоит? – А вот теперь интересно.

– Помнишь дело металлургического завода в прошлом году? Нас еще акционеры наняли, чтобы помогли отстоять.

– Да. Его пытались искусственно обанкротить, чтобы потом за копейки выкупить. Попытка рейдерского захвата, как в нулевых.

– А помнишь, кто стоял за захватом? – Взгляд Ювелира темнеет.

– Местный божок криминального мира. Фамилия... – задумываюсь. – Жилин!

– Да! Он же стоит за третьим кандидатом.

– Ты уверен?

Это лишний вопрос. У всех в команде Германа есть свои слабости. Моей был Захар. А слабость этого парня – параноидальная точность. Он перепроверяет любую информацию и не доверяет ни одному источнику.

Не исключаю, что именно из-за этого ни одна девица не смогла отвести его в ЗАГС.

– У Меньшова есть тетка. Учительница младших классов. С виду ничего особенного, если не считать счета на Каймановых островах...

– ... в том же банке, где хранит наворованное Жилин, – заканчиваю я.

– Именно! А чтобы ты не подумала, что это совпадение – счета открыты в один день.

– Хреново...

Задумываюсь, знает ли об этом Захар. Вряд ли его служба безопасности пропустила такую деталь. Жилин – не тот человек, который будет играть по правилам. От него можно ожидать любой подлости. Если захочет, он отравит жизнь и Захару, и любому другому в его окружении.

– Кажется, господин Сабуров должен мне намного больше. – Прикидываю, какую сумму затребовать в качестве компенсации за риск.

– Узнаю этот взгляд! – Смеется Ювелир. – Пожалуй, я ошибся, когда сказал, что ты обанкротишь своего бывшего. Все будет еще круче! Ты его по мирупустишь! С протянутой рукой!

– Обязательно. – Пакую своих обезьянок в коробку. – Что-нибудь еще есть? – спрашиваю, надеясь закончить этот разговор.

– Ещё... – сбитый с толку хакер хлопает себя по карманам. Ударяет ладонью по лбу. – Блин, точно!

Достает из внутреннего кармана куртки несколько сложенных вчетверо листков.

– Правда, у тебя там не распечатки журнальных статей? – Кажется, я уже скоро начну чесаться от всяких бумаг.

– Нет, – удивленно моргает Ювелир. – Это... – Он откашливается. – Ты в курсе последних новостей личной жизни твоего бывшего?

– Нет.

Моя рука висит в воздухе. Понимаю, что нужно забрать. Однако что-то мешает.

– Я так и знал, потому изучил его немного. – Кладет бумаги на стол. – Сразу скажу: там не только он. Там все, кто рядом с ним. Конкуренты, любовницы, друзья, посредники, через которых он решает деликатные вопросы. И те, кого он прячет.

– Любовницы – не мое дело.

– Ну, мало ли, вдруг будет интересно... – Ювелир так хитро ухмыляется, что хочется послать его на фиг.

– «Вдруг» – твоя любимая отговорка. – Задираю голову.

– Потому что всегда срывает. – Он подмигивает.

– Ты, это... – Я собираюсь намекнуть, что пора лечиться от паранойи, но меня перебивает тихий, отчаянный всхлип.

То ли птица, то ли животное, то ли ребенок.

– Что за... – Оборачиваюсь на звук.

Мы оба замолкаем, прислушиваясь.

– Там! – Ювелир указывает в сторону густых кустов в двадцати метрах от нас.

– Кто здесь? – Я прячу бумаги в карман и жестом показываю хакеру оставаться на месте.

В ответ раздается еще один всхлип.

– Надеюсь, ты не вооружен, – произношу себе под нос, приближаясь к кустам. – И не опасен, – добавляю шепотом.

А в следующий момент раздвигаю ветки и в шоке замираю на месте.

Глава 9

Полина

Коварный шпион, которого я заметила в кустах, оказывается... мальчишкой. Совсем маленьким – метр с кепкой. В желтой курточке и зеленых штанишках, с курчавыми тёмными волосами, серыми глазами и красным от слёз носом.

– Что ты здесь делаешь? – голос срывается, хотя я пытаюсь говорить спокойно.

Он вздрагивает.

– Ничего. – Испуганно отодвигается назад и быстро прячет за спину правую руку.

Последнее движение – как удар под дых.

Узнаю влет! Я точно так же прятала руки в интернате, если умудрялась поцарапаться или испачкаться.

– Ты упал, да? – Присаживаюсь на корточки рядом.

– У меня все хорошо. – Мальчик второй рукой смахивает со щек слезы и, как большой, хмурится.

– Покажи, – осторожно протягиваю к нему ладонь.

Он мотает головой и ещё сильнее жметесь спиной к колючему кусту.

– Обещаю, я никому не скажу о твоей маленькой неприятности! Клянусь... Э-э... – Вдруг понимаю, что мамино любимое «честное пионерское» давно устарело. – Чем там сейчас принято клясться?

– Честное слово, – все так же испуганно подсказывает мальчик.

– Вот! Честное слово, что никому ничего не скажу. – Стараюсь незаметно еще немного приблизиться. – Что у тебя произошло?

Возможно, я зря вмешиваюсь. Мальчик слишком маленький, чтобы гулять без присмотра. Скорее всего, где-то рядом родители.

Можно сообщить охране, что на территорию усадьбы забрел ребенок. У службы безопасности Сабурова наверняка есть инструкции на все случаи жизни.

Мне вовсе необязательно оставаться здесь, но что-то неуловимое и смутно знакомое в глазах малыша не позволяет уйти.

– Знаешь, я, когда была маленькой, тоже боялась показывать взрослым свои раны. – Задрав левый рукав рубашки, демонстрирую небольшой шрам под локтем. – Об этом мама так и не узнала.

К этому времени мамы не было в живых, но парню совсем не обязательно знать такую деталь.

– А у меня... вот. – Закусив губу, он показывает мне несчастную правую ладошку.

– Ого! – Смотрю на небольшую кровавую царапину. – Сильно ты приложилась!

– Я упал. – Малыш старается говорить ровно, однако предательский всхлип выдает его волнение с головой. – Няня теперь будет ругаться.

Он бросает быстрый взгляд в сторону дома и сжимает руку в кулак, будто прячет свою проблему.

– Слу-у-шай, – говорю с запинкой. – У меня есть перекись и пластырь. Мы можем все обработать и сделать так, словно ничего не было.

– Это больно?

Парень широко распахивает глаза – серые, огромные, с недоверием и еле заметной надеждой.

– Я постараюсь промыть рану очень аккуратно.

– А ты быстро? – он нервно сглатывает.

– Не беспокойся, твои родители не успеют прийти. Моя аптечка близко, – указываю за спину. – Там, в беседке.

– Хорошо. – Мальчик коротко кивает. А стоит мне развернуться, чтобы сбегать за коробкой, тихо добавляет: – Они и не придут.

Я замираю. В груди неприятно колет.

– Как это – не придут?

Оглядываюсь.

– Папа всегда занят. – Мальчик встает на ноги и пинает носком кроссовка сухую ветку. – А мама... – замолкает, снова кусая губу.

Слова повисают в воздухе, а уточнить я не решаюсь. Слишком хорошо знаю, каково это – когда нет «мамы». Несмотря на годы без нее, все еще чувствую ту боль.

– Пойдём вместе, – тяну уголки губ в стороны. – Давай руку.

Он колеблется, но всё же вкладывает свою маленькую теплую ладошку в мою.

Не глядя по сторонам, мы идем к беседке. Ювелир, который так никуда и не ушел, смотрит на нас как на призраков. Молча открывает и закрывает рот. По-собачьи наклонив голову набок, наблюдает, как я роюсь в коробке и достаю аптечку.

К моменту, когда я нахожу пузырёк с перекисью и пластырь, руки дрожат, как после аварии. Чтобы успокоиться, приходится сделать глубокий вдох и дать себе секундную паузу.

– Садись. – Я усаживаю мальчика на скамейку. – Шипи, если будет щипать.

Показываю ему, как именно нужно шипеть. Пока лью перекись, мы вдвоем цедим сквозь зубы: «Ш-ш-ш...» И улыбаемся друг другу, когда я накладываю сверху пластырь.

– Готово. – С гордостью смотрю на результат своей работы. – Ты теперь как новенький!

– Спасибо. – Малыш сразу же соскальзывает со скамейки. – Только... никому. – Косится на Ювелира и на меня.

– Обещаю, – киваю с самым серьезным видом.

Хакер молчит, потому приходится ответить за него:

– Он тоже обещает! Честное слово!

– Даже папе, – шепчет парень.

– Это будет наш секрет. – Подмигиваю своему маленькому заговорщику.

– И... спасибо вам.

Мальчик улыбается и робко делает шаг ко мне, раскрывая руки для объятий.

– Ты очень смелый.

Со мной происходит что-то странное. Переносица вспыхивает болью, на глаза наворачиваются слезы, а руки... Они немеют от объятий малыша. С трудом слушаются. И горят.

Дикая реакция на чужого ребенка.

Такое впервые в жизни.

«Почему?» – мысленно задаю себе вопрос, но ответить не успеваю.

– Марк! – с дорожки доносится строгий женский голос

Мы оба вздрагиваем разворачиваясь.

Возле высокой ели, уперев руки в бока, стоит высокая блондинка лет тридцати. Эдакая Мэри Поппинс со взглядом Фрекен Бок. И чуть позади – Захар.

– Я же сказала не бегать одному! – Дамочка угрожающе взмахивает в воздухе указательным пальцем. – Мы с твоим отцом с ног сбились в поисках тебя. Собирались охрану подключить.

– Папа, я просто гулял.

Мальчик убирает ладони с моих плеч. Прячет правую руку за спину. И громко шаркая по дорожке, медленно идет к Захару.

А я...

Как подкошенная опускаюсь прямо на землю и, сминая в руках распечатку Ювелира, хрипло спрашиваю:

– Сабуров, – глотаю «твою мать», – сколько у тебя ещё секретов?

Глава 10

Захар

Последние сутки напоминают какой-то гребаный марафон на выживание.

Вчера днем – глобальный шухер во всех структурах, чтобы найти заброшенный дом, где держат мою бывшую, и поездка в глушь за Полиной. Ночью – вахта возле ее кровати, потому что кое-кого до утра мучают кошмары. А утром – жесткая засада от журналистов.

Это все как проклятие! Чертовски не вовремя и эпично.

А ведь геморроя можно было избежать.

Вечером я запросто мог отправить за Полиной Серегу Орлова, своего начбеза. У него хватает мозгов и опыта для любой деликатной работы.

Он бы увез Полю из того стремного дома в какой-нибудь в отель, вызвал бы врача и психолога. А к завтраку босс Полины сам забрал бы ее под опеку и решил остальное.

Не было бы никаких фото и сопливых статей в СМИ.

Мне не пришлось бы изображать сиделку и торчать всю ночь в гостевой спальне.

Не нужно было бы дергать юриста, чтобы он срочно составил соглашение о сотрудничестве.

Я бы жил своей нормальной жизнью. Как десять с половиной лет назад – до случайной встречи с одной перепуганной девчонкой.

К сожалению, подстилать соломку уже поздно.

Сам виноват!

Ввязался.

Поехал.

Сторожил.

Потратил вагон времени, зная, что не будет никакой благодарности.

Встрял так, что, мама, не горюй!

Сначала мой начбез прислал ссылки на статьи, где я, как идиот, несу Полину на руках в дом. С идеальным ракурсом и моей встревоженной рожей. Потом сюда заявился Паша и от имени «высокого начальства» принялся закручивать гайки, словно я мальчишка на побегушках.

А теперь еще сын...

– Сабуров, оглох? Я у тебя второй раз спрашиваю. Сколько ещё секретов? – Полина меняет позу. Подбирается вся, как пантера перед прыжком. Больше не выглядит шокированной или жалкой.

– Марк, у тебя все хорошо? – Игнорируя Полю, я беру своего пацана на руки. Заглядываю в глаза.

С любимым взрослым я бы сразу понял, что произошло. Но с этим мелким мозг можно сломать.

Нос красный, как после слез. Губы плотно сжаты, будто обиделся. А глаза... в них целый комплект эмоций.

Ума не приложу, какая из них главная и как вырливать, чтобы не испугать его еще сильнее. Задача похлеще городского бюджета на год.

– Да. Я гулял. – Марк боязливо косится на няню.

– Помнишь, я просил тебя не убегать далеко. Здесь еще не все готово, чтобы ты мог спокойно играть.

– Я не убегал... – Теперь он оглядывается на Полину.

В отличие от няни, на нее сын смотрит спокойно. Как на огромного зайца, которого я подарил ему после переезда в этот дом месяц назад.

– Хорошо. Ты гулял и не убежал. – Мысленно увольняю няню. Прямо сейчас! Гоню ее к чертовой матери. И без выходного пособия.

– Молодой человек, нехорошо обманывать взрослых, – вмешивается няня. – Ты сбежал от меня и не отзывался на крики.

– Он не обманывал. – Опускаю пацана на землю. – И не убежал. – Глажу по волосам.

– Но как же... – эта дура, кажется, совсем не умеет чувствовать ситуацию.

– Все. Закрыли вопрос, – обрубая ее. – Отведите, пожалуйста, Марка в дом. И подождите там меня пару минут.

– У нас по расписанию обед! – надувает губы.

– Я сказал в дом! – С трудом сдерживаюсь, чтобы не свернуть ей шею прямо здесь. – Две минуты!

Надеясь достучаться до мозга, сверлю взглядом блондинистую голову.

– Да, – моргает, – хорошо.

Протягивает Марку руку и, наконец, оставляет нас с бывшей женой наедине.

Полина зыркает так, будто хочет прожечь дыру в моей груди. Почти как в день нашей свадьбы, когда сразу после росписи узнала один нехороший секрет из прошлого.

– Это тот самый человек, которого нельзя обижать?! – слова с ее языка летят, как пули. – Твой пункт в соглашении... он о нем?!

– Да. Это мой сын.

– Сколько ему?

Полина внимательно шурится, глядя вслед уходящей парочке.

– Четыре с половиной. А если точнее – четыре года и восемь месяцев.

– С ума сойти, Сабуров! Я смотрю, ты не скучал после нашего развода!

На красивом лице мелькает досада.

– Считаешь, я должен бы посыпать голову пеплом и уйти в мужской монастырь?

Знаю, что провоцирую. Поля – уже давно не милая покладистая девочка. Я сам вольно и невольно сделал все, чтобы выбить из нее всю наивность. И все равно... не могу удержаться от искушения. Эта ее ярость, эти шипы – они что-то совершенно новое, ядреная доза адреналина, которой хватит на двоих.

– Я бы согласилась на тюрьму! – рычит моя разъяренная пантера. – Убийцы должны сидеть за решеткой. А не управлять городами. И уж тем более не размножаться.

– Тебе говорили, что ты охрененно выглядишь, когда злишься? – пропускаю мимо ушей обвинения. Не в первый раз и возможно не в последний.

Не спрашивая, поднимаю ее на ноги и для безопасности завожу руки за спину.

– Ты мог сказать о сыне заранее. – Дергается так сильно, что чуть не выворачивает себе суставы.

– Я сказал.

От близости на южном полюсе опять все оживает. Теперь даже не знаю, чего хочу сильнее: отшлепать эту ведьму или поставить на колени и качественно трахнуть.

Наверное, всего вместе: шлепать и драть. Долго. Пока не сорвет голос от криков и не уберется из моей головы с этими своими алыми губами, яркими глазами, высокой грудью и охрененной круглой задницей.

– Ты сукин сын, который спрятал ребенка за туманным условием.

– Переживешь!

– А его мать? Она тоже будет жить с нами? Или избиратели не одобряют? – добавляет едко.

– Его мать живёт отдельно. Давно. – Опускаю лишние подробности. Хочет считать меня подонком – пусть.

– Тогда, может быть, мачеха, любовница или кто-то еще?!

Поля дышит все быстрее. Заводится, как в нашем общем прошлом – с пол-оборота.

– Рядом с ним будет жить только одна женщина.

Нужно остановиться! Срочно отпустить ее и свалить в дом.

Пока не устроил себе еще большие неприятности, мне просто необходимо вырубить на хрен все хотелки в отношении этой женщины. Я должен...

– Найди себе другую идиотку для гребаного пиара. – В карих глазах не просто пламя. Там горит костер инквизиции.

– Поздно!

Вминаю в себя эту бешеную сучку. Даю почувствовать, как сильно ее хочу. И делаю то, чего нельзя делать НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ.

Глава 11

Захар

Одной рукой фиксирую запястья у неё за спиной, второй – оттягиваю за волосы назад, чтобы не дёрнулась.

– Только посмей... – Поля уже не ругается и не рычит. Она шепчет.

– Как же ты меня достала!

Закрываю ее рот своими губами. Врезаюсь, как на скоростной трассе в лобовую.

Целую... резко, жадно, не скрывая голода.

Насилую эти бархатные губы. Шизею от того, насколько они вкусные. Окончательно сле- таю с катушек от их сладости – как дольки мандарина. И зверею от неподвижности Поли.

Она – настоящая крепость. Не отвечает и не отбивается. Стоит напряженная до каменной твердости. Смотрит широко распахнутыми глазами... будто сразу в душу. Борется и со мной, и с собой.

– Давай, покажи, какой ты стала.

Вместо тормозов я жму на газ – еще сильнее тяну ее за волосы назад. Заставляю выгнуться. Грубо и жестко. Никакой ласки или осторожности, как в нашем общем прошлом. Никакого благородства. Все по-взрослому. Укрощение – как в цирке с дикими животными.

– Сволочь, – рычит моя стервочка и... ломается.

Со стоном раскрывает свои нежные губы. Рваным всхлипом разносит в хлам жалкие остатки моей выдержки. Отзывается.

Сама!

С жаром.

С яростью.

Толкает ладонями в грудь и сразу же дергает за лацканы пиджака назад. Скользит пальцами по рубашке. Гладит мышцы. Чертит ногтями узоры на животе. И двигается ниже – туда, где больно и тесно.

Обхватывает сквозь одежду отвердевший ствол. Сжимает его... туго, как внутренними мышцами на пике оргазма. И начинает двигать рукой так правильно, что меня коротит от ее новых умений.

По хребту несутся огненные разряды.

Извилины рвутся в клочья.

Ничего общего с той неумелой девушкой, которую я учил близости. Ни следа от прежней робости. Ни намек на невинность.

Эта Полина – незнакомка.

Она равная.

Женщина на все триста процентов!

Её язык жадно трахает мой рот. Быстро, дерзко, будто Поля мстит за всё сразу – за прошлое и настоящее, за нашу дурацкую свадьбу и за Марка.

Целует так, что звенит каждый нерв.

Ласкает меня так искусно, что хочу убить каждого, кто посмел учить ее таким трюкам.

– ... какая ты стала... – матерюсь сквозь зубы.

– Нравится? – ведьма зарывается пальцами в мои волосы. Оставляет засечки острыми ногтями. И целует.

Снова жарко, дико, одержимо.

Слишком смело для хорошей девочки. Слишком жестоко для той, кому пофиг.

До моего стога.

До ее стога.

До злого укуса.

– Сучка! – отшатнувшись, я прижимаю руку к прокушенной губе.

– Еще какая! – Поля улыбается. Довольная, словно сорвала джекпот.

– Чёртова ведьма... – Чувствую, как по пальцам течет что-то теплое и липкое.

– Никогда... – она выдыхает, как змея, плюющая ядом. – Никогда больше не смей и пальцем ко мне прикоснуться!

– Не почувствовал, чтобы ты сильно сопротивлялась.

Замечаю, как на моей белой рубашке расплывается красное пятно.

– Пункт первый, Сабуров. – Полина демонстративно вытирает руку об руку. – Личные.

Границы.

– И кто из нас нарушил их сильнее?

Убираю ладонь и сквозь боль улыбаюсь. Если ей так нравится вид моей крови, пусть любит.

– Ещё раз тронешь... – Поля подходит ближе. Обмакивает указательный палец в мою кровь на подбородке и тут же слизывает, как лакомство. – Я похороню твою предвыборную кампанию и твою репутацию. Ты останешься на мели! И никакие дети или больные не спасут от разорения.

– Ты стала совсем другой.

Внимательно изучаю каждую черточку ее лица, словно знакомлюсь. Заново!

– Поздно заметил. – Она берет со столика коробку. Как защиту, держит перед собой.

– Я запомню.

– Прекрасно. Тогда запомни ещё одно: я буду терпеть тебя ради Варвары. Буду молчать ради ребёнка. Но все остальное... Ты для меня пустое место. Захочешь засунуть в кого-нибудь свой член – на здоровье! Ищи шлюх или любовниц.

– Обязательно. – В груди распирает от смеси злости и наслаждения. Даже адская боль за ширинкой не может обломать кайф. – Я обязательно заведу любовницу, которая будет стонать так же сладко, как ты минуту назад. И тереться об меня с такой же страстью.

– Удачи. – Карие глаза чернеют.

– Тебе тоже. – Несмотря на проблемы и бессонную ночь, во мне такая доза адреналина, что хватит на сутки без отдыха.

Мозгам от этого ни хрена не лучше. Теперь окончательно ясно, что сработаться нам будет сложно. Всей команде придется в лепешку расшибиться, чтобы Поля отыграла свою роль.

Но впервые за последние годы я чувствую себя настолько живым, что плевать на любые трудности.

Глава 12

Полина

Прихожу в себя минут через десять. Руки трясутся, губы саднит, а в голове только одно желание – вернуться и залепить Сабурову такую пощечину, от которой искры из глаз посыплются.

В принципе нормальный план. Пока мы не подписали соглашение, по которому я должна стать доброй безобидной помощницей, можно выпустить пар любым способом. Не будет никаких штрафов, судов и прочего.

Но мудрая часть меня уже берет контроль над внутренним армагеддоном в свои руки.

Чтобы окончательно успокоиться, я разбираю принесенную Ювелиром коробку. Раскалываю по местам косметику, блокноты и аптечку. А затем беру за пакеты от стилиста.

Как оказалось – шустрая дамочка умудрилась за час заказать мне все необходимое и организовала срочную доставку.

Так, срезая бирки, примеряя костюмы и перебирая белье, я с горем пополам отвлекаюсь от мыслей о Сабурове. Перестаю терроризировать себя вопросом: «Какого черта я так легко поддаюсь на его провокацию?». А к вечеру вспоминаю, что с утра ничего не ела.

Чтобы не столкнуться случайно с хозяином дома или его маленькой копией, я умышленно пропускаю традиционное в этом доме время ужина. Вместо участия в милых семейных посиделках кладу на две тарелки овощи и мясо. Наполняю водой пустой стакан. И с подносом иду к Варваре.

– Не помешаю? – заглядываю в комнату.

– Ой, Поленька! Нет, конечно, – сухие губы растягиваются в улыбке.

– Я здесь поесть немного принесла. Будешь со мной?

Показываю тарелки.

– Спасибо, родная. Меня уже кормили. А два раза... боюсь, не влезет.

Варвара худенькой рукой проводит вдоль тела. И я с огромным трудом удерживаю на лице маску спокойствия.

– Тогда я поем рядом?

Присаживаюсь на край кровати и без всякого аппетита накалываю на вилку кусочек говядины в брусничном соусе.

– Как раньше, – с блестящими глазами произносит Варвара.

– Знаешь, мне кажется, до встречи с тобой я не пробовала ничего вкусного. – Мне даже не нужно лгать. Все чистая правда. Именно эта замечательная женщина стала для меня, девчонки из детдома, проводником в мир вкусной еды. – А уж как я готовила до тебя... – Смеюсь.

– О да, я помню твою первую пасту! – Варвара тоже смеется. Но не так легко, как я, а осторожно, сдерживаясь. Словно смех способен причинить ей боль.

– Я тогда и представить не могла, что спагетти могут чем-то отличаться от макарон быстрого приготовления из пакетика.

– Да, ты залила их кипятком и ждала.

– А потом пыталась съесть твердыми. – Вспоминаю тот момент в деталях.

Я планировала порадовать Захара – показать, что тоже умею готовить. Для этого даже уговорила Варвару взять выходной на кухне.

По задумке в меню должны были быть макароны по-студенчески с нежными куриными котлетами и салатом из морковки.

Это, конечно, совсем не та еда, к которой привык заместитель мэра. Никаких деликатесов и изысков. Но мне казалось, что большому начальству интересно, что едят простые смертные в студенческих общежитиях. Хотя бы в качестве веселого эксперимента!

К сожалению, уже на макаронах вся моя задумка накрылась медным тазом.

Мажорные спагетти из твердых сортов пшеницы не пожелали размягчаться в кипятке. А пока я носилась вокруг кастрюли, на плите сторели котлеты.

В итоге вместо ужина по-студенчески Захару досталась плачущая студентка, которую пришлось спасать готовой едой из ближайшего ресторана и горячим сексом прямо на месте происшествия – на кухне.

– После этого позорного случая ты начала учить меня готовить. – Я накальваю еще один кусочек.

– Ты была отличной ученицей. – Улыбка на морщинистом лице сменяется грустью. – Талантливой и внимательной.

Эти слова добивают. Ужинать больше не хочется. Отставив тарелку, я беру Варвару за руку.

– Прости, что не приезжала к тебе.

Стараюсь не разреветься.

– Ничего. За мной есть кому присмотреть. – Она обводит взглядом комнату. – Здесь и врачи, и уход, и знакомые стены. – Кладет вторую руку поверх моей. – Лучше расскажи, как ты жила.

– Я... – глотаю слезы. – Я хорошо, – вру. – Училась, работала. Старалась быть самостоятельной и независимой.

За последние годы я успела поверить, что наконец стала непробиваемой – избавилась от инфантильной потребности в других людях, в их оценке и близости. Однако сейчас от одного вида осунувшейся Варвары этот прочный фасад идет трещинами.

– Ты выглядишь как настоящая бизнес-леди.

Слышу гордость в тихом голосе.

– Я работаю на одного из лучших финансовых аналитиков города. Так что... Да, бизнес-леди. – Пожимаю плечами.

– А как же семья? Муж, дети...

Я знаю, что у Варвары нет никакого злого умысла, но вопрос попадает в цель... бьет по больному месту.

– В отличие от бывшего мужа у меня не было времени на второй брак и ребенка.

– Ты даже не представляешь, насколько вы похожи. – Качает головой.

– Не думаю. Скорее противоположности.

Оглядываюсь на дверь. Где-то там в доме гуляет малыш – самый красивый мальчик из всех, каких я видела.

Именно о таком ребенке мечтала прежняя влюбленная Полина. Она фантазировала. Представляла курчавого, похожего на отца малыша, рядом с Захаром. И верила в «долго и счастливо».

– После вашего развода он совсем закрылся... Порог этого дома пят лет не переступала ни одна женщина.

– Мне неинтересно. – Зажмуриваю глаза, будто хочу спрятаться и от рассказа о Захаре.

– Он словно ждал, что ты простишь, – продолжает Варвара. – Надеялся, что поймешь. Спал в гостевой комнате. Сутками напролет пропадал в мэрии. Забыл о друзьях и об отдыхе.

– Варвара, пожалуйста... Не нужно.

Встаю, собираясь уйти, но сухонькая ладонь в последний момент перехватывает за руку.

– Я знаю, что он не станет тебе ничего рассказывать. Вы с Захаром оба такие упрямые...

– В глазах за очками мелькают слезы. – Девочка, послушай хотя бы меня.

Глава 13

Полина

У меня нет никакого желания выслушивать рассказ о «тяжелой жизни заместителя мэра». На свете нет ничего, что изменило бы мнение о Захаре. А уж чтобы разжалобить – не могло быть и речи.

Та молодая Полина, которую помнит Варвара, еще купилась бы на чужие страдания. Но нынешняя я...

За годы работы на Боровского я давно избавилась от такой штуки, как жалость. Герман «лечил» от этой хвори каждого, кто трудился на него. Одних – рассказами и примерами. Других – делом.

Меня он обучил делом – доверил проверку парочки благотворительных фондов. А когда этого оказалось мало, отправил в детский дом, где я росла с семи лет.

Поездка туда превратилась в настоящее испытание. От вида облезлых стен, старых игрушек и скудной еды я не могла спать и есть два дня. Казалось, что нужно срочно объявлять сбор и спасать мой «второй дом».

– Именно этого я и ожидал, – усмехнулся Герман, когда выслушал мой пламенный отчет. – Жалости. Ты попала на крючок.

– А разве плохо жалеть детей?! – сорвалась я.

– Плохо, – спокойно ответил он. – Потому что твоя жалость – это костыль. Дашь деньги – и завтра дети снова будут сидеть голодными. Тебе при этом станет немного легче, а им – нет.

Поначалу я не поняла, что Боровский имеет в виду. Но потом он показал мне реальные бумаги: договоры, чеки и отчеты.

По факту в мой детдом лились целые реки средств. И одежда, и игрушки, и деньги. Только до адресата не доходило даже крошек.

Одежда и игрушки тут же по новым документам поставлялись в магазины. А миллионы тонкими ручейками утекали на счета подрядных организаций за ремонты в квартирах руководства, на покупку для них автомобилей и отдых на зарубежных курортах.

– Хочешь помочь этим детям? – спросил Герман. – Сделай так, чтобы система работала правильно. Найди виновных и закрой все лазейки. Не жалея. Образцово-показательно.

Чтобы справиться с этим заданием, мне пришлось неделями копаться в отчетности, стравливать друг с другом проверяющие органы и обивать пороги прокуратуры.

Занимаясь этим делом, я на собственной шкуре испытала, какового это – попасться на крючок жалости, и увидела, какую гниль она может покрывать.

Урок оказался болезненным и эффективным. Он за раз вылечил меня от бесполезной сострадательности и заставил во всем искать свой вполне банальный «корень зла».

– Захар очень переживал за тебя после развода, – начинает Варвара. – Сказал, что ты отказалась от денег и квартиры, которую он купил специально для тебя.

– Я не нуждалась в его помощи. У меня все было хорошо. – Молчу о том, как спала на раскладном кресле в квартире подруги и готова была схватиться за любую работу, лишь бы заработать на адвоката.

– Он даже к твоей подруге ездил. Предлагал ей новую работу и дом, чтобы вам всем хватило места.

– Арина выгнала его.

Об этом я тоже знаю – стояла за дверью, пока они разговаривали. Подслушивала и молилась, чтобы подруге хватило гордости выставить этого гада за дверь.

– А потом он перестал бороться. У мэра возникли серьезные проблемы со здоровьем, и всю текучку пришлось взять на себя.

– Я заметила. Той текучке сейчас... – вспоминаю, – четыре года и восемь месяцев. А перед этим, наверное, был такой же невыносимо трудный изнурительный любовный роман.

– Ох, Поля, зря ты так... – Варвара прижимает руки к груди.

– А я не права?

– Там не было никакого романа. Одна случайная связь.

Седая голова опускается на грудь, словно Варвара собирается уснуть. А спустя долгую минуту пытка прошлым продолжается:

– Мама Марка... – откашливается Варвара. – Лера молчала о беременности. Выжидала. А на седьмом месяце прислала Захару конверт с результатами УЗИ. Он вначале ничего не понял, решил, что это чья-то глупая шутка. А потом Орлов, начальник службы безопасности, нашел Леру.

– Ясно. – Так и хочется съязвить про то, что презервативы придумали много лет назад, но молчу. Варвара не виновата в ошибках своего босса. Не стоит выливать на нее мое раздражение.

– Они расписались прямо перед родами. Регистратор приехал на дом, чтобы избежать утечки информации. Не было ни гостей, ни клятв, ни торга.

– Хотя одна свадьба у Захара прошла без сюрпризов. – Тут же вспоминается наша... пышная, с цветами, живой музыкой и моими слезами в туалете, когда один незванный гость рассказал тайну Захара и перевернул вверх дном весь мой мир.

– Да... – растерянно шепчет Варвара. – Все было иначе. А потом родился наш малыш, и начался кошмар.

– Дай угадаю, Лере нужны были лишь деньги? – Наука Боровского не прошла для меня бесследно.

– Через пару месяцев после родов она заявила, что хочет сменить климат. Ей было плохо здесь. То молоко пропадало, то гайморит начинался.

– Очень удачно.

– Захар почти не спал. Ночами ходил с малышом по коридору. Укачивал, кормил из бутылочки. Менял подгузники и купал. Все или сам, или со мной.

– А потом она решила уехать, – догадываюсь я.

– Сначала уехала на месяц в Сочи. После попросила снять ей дом в Геленджике.

– И больше не вернулась, – завершаю вместо Варвары.

– Да. Осталась там с Марком, няней и своей матерью.

– Малыш поэтому не сильно доверяет Захару? – Это не мое дело, но там, в саду, было заметно, что Захар для него как чужой.

Мальчик не спешил показывать царяпину и не жаловался на няню.

– К сожалению, у Захара не та должность, с которой можно уйти. Два года он мотался туда каждый свободный день. Возил с собой подарки. Если сын заболел, находил докторов. А когда Марку исполнилось три года, Лера нашла себе нового мужчину и потребовала развод.

– И сын после развода остался с матерью.

Старательно гоню от себя мысль о маленьком мальчике, который стал разменной монетой между алчной мамашей и карьеристом отцом. Однако получается хреново.

Память эгоистично подкидывает картинки с грязной ладошкой, огромными глазами и закушенной губой малыша.

– Никита Лаевский, адвокат Захара, сделал все, что мог, чтобы добиться равной опеки. Но в суде отец никогда не сравнится с матерью, – с горечью произносит Варвара. – Лера стала требовать дорогие подарки за каждую встречу с сыном. Тянула из Захара все больше и больше. А узнав, что он идет на выборы...

Тут она замолкает и с мольбой смотрит на меня.

Понимаю, что, наверное, я должна продолжить – догадаться, что могла предпринять эта женщина. Только в этот раз у меня нет никаких версий. Совсем. Кроме одной. Слишком безумной, чтобы быть правдой.

– Она продала ему сына? – сама не верю, что произношу это вслух

Но вместо жесткого «нет» или «глупости», Варвара поджимает губы и кивает.

Глава 14

Полина

После разговора с Варварой я долго не могу уснуть. Кручусь в кровати, считаю дурацких баранов, пытаюсь почувствовать тяжесть и тепло в мышцах. А когда, наконец, отключаюсь, вижу совсем не то, что бы хотелось.

Сон – мешанина из образов и воспоминаний. То снится этот же дом, только в прошлом – уютный, родной, наполненный смехом и ароматами роз. То моя комната в детдоме – с обоями в цветочек, старым линолеумом и скрипучей кроватью. То подвал, где меня держал Мансуров.

Я четко вижу серые бетонные стены, шурюсь от света белой лампы под потолком. А затем вдруг попадаю в сад Захара, где маленький мальчик с лицом Марка перевязывает мои окровавленные ладони.

После такого сна будильник в семь утра орет как сирена спасателей.

Я такая же разбитая, как вечером. Глаза слипаются от жесткого недосыпа. Сил нет даже на то, чтобы заправить кровать и сменить шелковую пижаму пошлой леопардовой расцветки на один из костюмов. Но вернуться в кровать... Нет! Этого не хочется от слова «совсем».

– Кофе! – это слово оказывается единственным, что с теплом откликается в душе. – Да, мне нужно кофе! – еще громче произношу я вслух и иду к двери.

На лестнице, как и вчера, тихо. В холле – ни души.

В доме будто никого нет. Ни хозяина со свитой, ни его малыша с блондинистой няней. Словно они все приснились!

В кухне ничего не меняется. Здесь чисто, безлюдно и пусто. Никаких горячих пирожков, которые всегда пекла Варвара. Никакого кофе из турки, который пах так, что охранники на улице тянули носом и сглатывали слюнки. Никаких цветов в голубой вазе.

Нет даже привычного глиняного горшочка с розмарином.

Вместо него в углу стоит новенькая кофемашина, а в холодильнике – ряд одинаковых стеклянных контейнеров с готовой едой.

Прислушавшись к своему желудку, я беру один из них – с сырниками и каким-то джемом. Ставлю в микроволновку. И тут же готовлю себе кофе – двойной эспрессо, без молока и сахара.

К моменту, когда микроволновка звякает о готовности, а в чаше плещется черный заряд бодрости, на сердце становится чуть лучше, чем сразу после пробуждения.

Меня даже не смущает, что я на кухне Захара... босиком и в пижаме.

Однако спустя пару минут счастьем приходит конец.

– Ой, Полина Геннадьевна! Как удачно, – врывается на кухню Паша. – Только вас и ждали. Здравствуйте.

– Можно не ждать. Начинайте, что вам там нужно начинать. Сами. Без меня! – Взмахом вилки указываю на дверь.

– Без вас совсем никак.

Сабуровский пиарщик поправляет свои мажорные круглые очки и лыбится бездушной голливудской улыбкой.

– У меня завтрак. Первый раз за два дня. Считаю это уважительной причиной для прогула.

Уж под кого, а под этого позера я точно прогнуться не буду.

– Вы можете взять завтрак с собой. Ну или... – Он оглядывается в сторону холла. – Или я попрошу Захара Олеговича переместиться сюда. К нам.

– Не надо... – хриплю, давясь сырником. – Я дойду.

Нехотя записываю одно очко в пользу нахала и, взяв чашку, иду в местный «штаб».

Кабинет встречает запахом бумаг и кожи. Большой стол завален стопками документов. Крышки обоих ноутбуков подняты. А в кресле полностью собранный – в сером костюме и белоснежной рубашке – восседает хозяин дома.

Судя по морщинкам на лбу Захара, его ночь мало отличалась от моей. Впрочем, уж кто-кто, а он заслужил парочку кошмаров.

– Приветствую. – Вхожу в кабинет.

Захар проходится по мне внимательным взглядом – словно ощупывает с макушки до пят. И загадочно ухмыляется.

– Официально я в отпуске! – объясняю свой вид. И чтобы стереть с губ этого упыря ухмылку, делаю медленный поворот вокруг оси.

Позволяю ему полюбоваться на меня со всех сторон. И на упругую попу, обтянутую тонким шелком, и на красивые точеные бока, и на ложбинку в отвороте леопардовой рубашки.

– Я заметил. – На скулах темнеют желваки.

– Если вы поздоровались, мы можем начинать, – портит всю малину пиарщик.

Паша хлопает папкой по столу и падает в ближайшее кресло.

– Итак, у нас готов пиар-план. – Кивает на папку. – Сверху уже дали «добро». Так что осталось самое простое. Выполнить все указания и занять место мэра.

– Я еще не одобрил этот план. Если в нем будет какая-нибудь херня вроде прошлогоднего купания в проруби, пусть ищут себе другого исполнителя. – Захар берет папку и начинает лениво листать бумаги.

– Эмм... – Паша весь подбирается. – Прорубь удалось исключить. – Он ерзает на кресле. – Ярмарку с цыганами тоже.

– Какое счастье... – хмыкает под нос Захар.

– Но остальное – обязательная программа.

– Первый пункт «Благотворительный аукцион», – зачитывает Сабуров. – Дата... через два дня. – Поднимает взгляд и зло выдыхает.

– Ваш секретарь уже вносит его в рабочий график, – тяжело сглатывает Паша. – Пропустить не получится. Будут все кандидаты, пресса и высшее руководство.

– У меня в этот день поездка на металлургический завод. Там срочные вопросы.

– Мы перенесли поездку на пятницу и включили в план.

– Что вы сделали? – повышает голос Захар.

– Заодно сможете выступить перед рабочими, – забившись в угол кресла, блеет пиарщик. – Акционеры завода подготовят для вас актовый зал и оборудование.

– Я бы вернул прорубь, – цокает языком Сабуров.

– Боюсь, с вашим графиком ее некуда включить. – Паша переводит взгляд на меня. – Зато будет время для семейной фотосессии.

– Семейной? – Я чуть не захлебываюсь собственным кофе.

– Да, – сияет пиарщик. – Вы, Захар Олегович и малыш.

– А ничего, что мы... – старательно подбираю слова, чтобы не выругаться. – Из разных сказок.

– О, поверьте, после этой фотосессии все будут воспринимать вас как одну большую дружную семью.

Он так скалится, будто получил оргазм от этой мысли.

– Предупреди фотографа, чтобы надел бронежилет и каску, – сухо комментирует Захар, продолжая листать бумаги.

– Мы работаем лишь с профессионалами!

Паша, кажется, совсем не понимает намеков.

– Тогда пусть еще и страховку купит, – бросив на меня оценивающий взгляд, со вздохом добавляет Сабуров.

– А в этой вашей программе есть хоть что-нибудь нормальное? Тихое и спокойное! – Я стучу пальцами по столу.

Кофе уже не нужен. Я бодр как никогда. И, кажется, готова убивать.

– Да. Финал!

– И что же такое особенное будет в финале? – наклоняюсь к пиарщику.

– Перед самыми дебатами на столичном телевидении пройдет ток-шоу. – Паша расправляет плечи. Как индюк, выгибает вперед грудь. Откашлявшись, произносит: – Это будет прямой эфир. Кулинарное шоу с женами кандидатов.

– Что?!

– Что?!

Мы с Захаром переглядываемся.

– Кулинарное шоу... с женами кандидатов, – повторяю я медленно. – В прямом эфире. Так?

Паша сияет, словно только что изобрел вакцину от всех болезней.

– Да! Представьте: уютная атмосфера, французский шеф-повар, вы готовите фирменные блюда, рассказываете веселые истории о семейной жизни... Зрители обожают такой формат.

– Мм... – Захар указательным пальцем хлопает себя по губам.

Гад с трудом сдерживает улыбку.

– Замечательная идея! – Стиснув зубы, я громко аплодирую.

– Я знал, что вам понравится! – Радостно подпрыгивает на своем месте пиарщик.

– Да! – Встаю. – Одно маленькое дополнение. Раз у нашего кандидата сразу две бывшие жены, то и формат шоу придется немного расширить. Выступим дуэтом!

– Ээ... – улыбка стекает с лица местного гения пиара.

– А уж сколько интересных семейных историй мы на пару сможем рассказать! – добиваю я. – Рейтинги передачи взлетят до небес! Уверена, ваше руководство будет в восторге!

Глава 15

Полина

Уж не знаю: понял Захар мой настрой или нет, но следующие два дня меня никто не торопит и не напоминает о дурацком аукционе.

В день «Икс» все проходит, как обычно – я читаю Варваре книгу и выкатываю ее на коляске в сад. Перебрасываюсь сообщениями с Ювелиром. И только ближе к шестнадцати явившийся в дом пиарщик робко намекает, что нужно хотя бы на полчаса скататься в аукционный дом.

– Сейчас? – уточняю я, демонстративно убирая телефон.

– Да, там скоро начнется. Репортеры, презентация лотов и прочая шумиха. Захар Олегович будет вас ждать у входа.

– Обязательно приеду. Можете не волноваться, – посылаю этому умнику самую милую свою улыбку и мысленно включаю таймер.

Довольный моим согласием, Паша не напирает. Буквально через пару минут его машина вырывается со двора, а я... как ни в чем не бывало возвращаюсь к Варваре.

Читаю ей еще пару глав модного французского романа о путешествиях. В перерывах пью любимый черный чай с кусочками бергамота, проверяю маникюр – со знанием дела старательно тяну время.

Так проходит больше часа. Аукцион наверняка уже начался. Фотографы, скорее всего, «отстреляли» всех, кого хотели «отстрелять». А будущий мэр почувствовал всю силу моей солидарности.

Только теперь я возвращаюсь в свою комнату и собираюсь на дурацкое шоу.

Выбираю для него красное платье с открытой спиной. Завязываю в высокий хвост свои длинные темные волосы. И делаю легкий макияж.

На все про все уходит еще минут двадцать. Идеальное опоздание! Но когда спускаюсь в холл, понимаю, что задержусь еще сильнее.

Марк сидит на полу возле обувного шкафа и с мрачным видом пытается справиться со шнуровкой на ботинке.

– Привет. Собрался в новое путешествие? – Смотрю на его куртку, перекошенный шарфик и шапку, надетую шиворот навыворот.

– Здравствуйте. Да. – Мальчик бросает на меня быстрый удивленный взгляд и опасливо замирает.

– Почему ты один? – Я присаживаюсь рядом.

Он жмет плечиками.

– Где твоя няня?

Оглядываюсь по сторонам в поисках этой белобрысой бездельницы.

– Прежнюю уволили. А новая занята. – Марк тяжело вздыхает.

– Настолько сильно занята, что ты опять сбежал?

Кажется, господин Сабуров совсем не умеет выбирать нянь. Косячит, как с женами.

– У неё телефон. – Марк хмурит брови и еще сильнее тянет шнурок. Превращает петлю в узел. – Ей кто-то написал. Что-то важное, а я мешаю.

– Обалдеть! – Меня аж передергивает от такой новости. – Значит, ты у нас помеха?

– А что это значит? – На красивом детском лице вспыхивает любопытство.

Учитывая богатый словарный запас этого маленького гения, удивительно, что он до сих пор не познакомился со словом «помеха». Особенно с его-то мамашей!

– Это... – задумываюсь. – Представь! Вот ты едешь на своей машинке по дороге, а внезапно кто-то встает поперёк и мешает проехать. Вот это и есть помеха.

– А... тогда я не помеха! – решительно качает головой малыш. – Это она мешает, потому что запрещает мне играть.

– Верно, – усмехаюсь. – Она влезла на дорогу со своим телефоном и перекрыла движение.

– Значит, она нарушила правила?

– Точно, – киваю. – А нарушителей нужно наказывать.

– Как? – Марк тут же подаётся вперёд, глаза блестят.

– Для начала надо разоружить. – Я заговорщицки понижаю голос. – Ты сейчас вернешься в свою комнату и отвлечешь. А я заберу телефон.

– Вы сможете забрать его?

Понимаю, что это выглядит как воровство. Однако, кажется, с этими нянями совершенно невозможно играть по-честному.

– Если ты снимешь верхнюю одежду и пойдешь в детскую.

Я помогаю ему избавиться от ботинок и стягиваю с головы шапочку.

– Да! Я сейчас!

Марк больше не похож на несчастного брошенного мальчугана. Теперь он настоящий Сабуров – такой же деятельный и красивый, как отец.

– Отлично! – Я поворачиваю его лицом к холлу.

– А если она вас заметит? – шепчет мой подельник.

– Не заметит. Мы же профессионалы, – наклонившись, подмигиваю.

Словно я назвала его самым крутым мальчиком на свете, Марк начинает светиться от радости.

– Договорились, – протягивает мне руку со знакомой царапиной. А затем таким же серьезным тоном добавляет: – Встретимся на кухне.

В этом он тоже весь в отца – никакого доверия, полный расчет.

Выполнить мое задание оказывается проще простого. Стоит войти в детскую, няня тут же швыряет телефон на кровать и хватается за книгу.

Заметив такую реакцию, Марк начинает упрашивать почитать ему про гномов. Выкладывает на стол сразу пять томов сказок. А я, так и не познакомившись с очередной неудачницей, незаметно беру ее мобильный и ухожу в кухню.

Через пару минут ко мне прибегает Марк.

– Есть! – шепчет он. – Она сейчас его ищет.

– Пускай попробует отыскать! – кручу в руках наш трофей.

– А где мы его спрячем? – Малыш смотрит на холодильник. Затем на духовку. А после открывает шкаф с кастрюлями.

– Нет. – Идея возникает внезапно. Снова никакой педагогики, а сплошное хулиганство. – Стоит ему зазвонить в этой железяке, здесь поднимется такой звон, что услышит даже охрана.

– А как сделать, чтобы не зазвонил? – Марк растерянно смотрит на большую кастрюлю в своих руках.

– Есть способ. – Забираю у него пятилитровую бандуру. Наливаю в нее воду. И ставлю на стол.

– Вы хотите... – Глаза расширяются.

– Пора твоей няне научиться работать. – Без всякого сожаления опускаю телефон на дно и закрываю крышкой.

– А если он сломается? – моргает.

– Я искренне на это надеюсь!

Развернувшись, я отрываю от рулона бумажных полотенец один белый лист. И пока няня не обвинила Марка в утоплении телефона, вывожу губной помадой свое имя.

Аукционный зал встречает меня шумом разговоров, живой музыкой и блеском. Под потолком горят хрустальные люстры, а на шеях местных дам сияют бриллианты.

В толпе не видно никаких репортеров или фотографов. Никому нет дела до моей скромной персоны. А гости выглядят настолько уставшими и накачанными шампанским, что, кажется, вот-вот начнут засыпать стоя.

Похоже, я не задержалась, а опоздала капитально. Это немного не та цель, на которую я рассчитывала, но... Мой взгляд останавливается на Захаре, и мысль прерывается.

Этот мерзавец не просто хорош, он чертовски, до неприличия, ужасно сексуален.

Сабуров на голову выше всех в этом зале. Красив в своем черном костюме, как демон-искуситель. Шириной плеч может сравниться с самым сильным охранником. А ямочками на щеках, красиво изогнутыми губами, мощным подбородком и породистым лбом может топить сердца всех дам от десяти до девяносто.

«Чёрт, ты выглядишь так, что хочется зарыть топор войны и быстренько изнасиловать тебя в первой попавшейся подсобке», – произношу я мысленно.

К счастью, это помутнение проходит быстрее, чем вспыхнуло.

Стоит мне представить, как горячие мужские руки стискивают мой зад, Захар поворачивается влево и с улыбкой произносит что-то рыжей силиконовой кукле с опухшими ресницами.

От вида воркующей парочки по коже прокатывается мороз, и мое желание трахнуть сменяется старым добрым порывом придушить этого бабника.

Варясь в этом желании, я изучаю зал. Высматриваю, где здесь можно отдышаться. И под раздевающие взгляды незнакомых мужчин гордо цокаю в сторону дамской комнаты.

Запершись там за замок, открываю косметичку. Поправляю алую, в цвет платья, помаду. Бросаю контрольный в зеркало и с хищной улыбкой направляюсь на арену этого гребаного шапито.

Делаю один шаг по затемненному коридору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.